

Кира Щукина

БЕЛЫЙ ПАВЛИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Александровна Щукина

Белый павлин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28740895

SelfPub; 2018

Аннотация

Три женщины, три голоса, три судьбы. Бабушка, мать и дочь. И, по извечной российской традиции, мужчины, которые уходят и не возвращаются, будь то отцы или возлюбленные. Прошлое смешивается с настоящим, довоенный Ленинград просвечивает сквозь современный Питер, и медленно, завораживающе, словно пышный хвост белого павлина, разворачиваются перед читателем воспоминания о том, что уже было, и мечты о том, что могло бы быть – но будет ли?

Содержит нецензурную брань.

Все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

– Ну и когда ты уезжаешь?

– Через неделю.

– И куда? Я забыла.

– В Чехию, мама.

– И где я буду жить?

– Я же тебе говорила, ты будешь жить у Любы.

– Я не жила у Любы. Все прошлое лето я жила у Маргариты.

– Мама. Прошлым летом ты жила у Маргариты неделю.

– Нет! Я прожила у Маргариты все лето!

– Когда я уезжала прошлым летом, ты жила у Любы. Месяц жила у Любы.

Сашуня поджимает губы и не верит.

– Сашуня, ты прошлым летом жила у меня.

– Ну может быть... А где я буду жить у тебя?

– На лестнице будешь жить. Или в подвале. Хочешь, будешь жить в подвале?

– Не говори ерунды!

– На чердаке еще можно. Я отдельный лифт проведу. С восьмого этажа в подвал. Буду тебе еду в мисочке спускать.

– Хватит трепаться. Я уеду в Пушкин.

– И что ты там будешь делать?

– Ну как что? С Надькой буду в рынок ходить. И на концерты.

– Сашуня, я вывезла из твоей квартиры все. Там ничего нет. Ни постельного белья, ни посуды, ничего.

– Ну и что!

– Я не повезу все это обратно, понимаешь? И у меня там люди живут.

– Выгонишь.

– Ну конечно. Я на месяц их выгоню, а где я потом новых жильцов найду, а?

– Или пойду жить к этой... Как ее...

– К Евгении Петровне? Мама, ну как ты к ней пойдешь, если ты даже имени ее не помнишь?

– Свекровь моя предлагала пожить на даче.

– Я с твоей Марьиванной на даче жить не буду!

– Она не Марьиванна, а Валентина Николаевна! И я не предлагаю тебе жить на даче. Меня беспокоят вопросы эвакуации. Я жить на даче не хочу. Я ж там свихнусь в этом прекрасном обществе.

– Да я сама с тобой жить не хочу.

– Начинается. Не хочешь – не надо. Пойдешь в подвал.

– Марта, а когда ты уезжаешь?

– Через неделю, мама.

– А куда?

– Мама, я тебе говорила об этом пять минут назад. Я уезжаю в Чехию. К Машеньке и Виталию.

– А где я буду жить?

Здравствуй, мама!

Так тяжело писать письма, я так неожиданно отвыкла. Бесконечная деловая переписка и бесконечно думаешь о стиле. А не слишком ли фривольно? А не слишком ли грубо?

Как у тебя дела? Как вы там отдыхаете – не отдыхаете?

Мы живем хорошо, и новостей у нас практически нет. Я иногда хожу на работу, иногда гуляю с бабушкой. Она ведет себя хорошо – ну, насколько это возможно. Идти с ней по улице – потрясающее ощущение. Она хает всех. Посмотри, какой он толстый! А эта – корова! и ножки тоненькие. А живот какой у него огромный! А эта – вырядилась! А ноги-то кривые! Невозможно. Немыслимо. И только собаки и маленькие дети ей нравятся. Посмотри – как куколка! – на младенца, которого несут на руках. А у твоего мужа – живот ого-го-го! сообщает она мне. Можно подумать, я не знаю.

Вчера она говорила про кладбище. Ты же обещала меня туда свозить! сказала она. – Ну да. Но тебя же свозила мама! – Ну и что? А цветочки посадить? – Какие цветочки?! ведь сейчас уже август! – А фотографию приклеить? – Вы же приклеили, когда ездили с мамой! – Нет!

Мама, напиши мне, пожалуйста, приклеили вы эту фотографию или нет. Потому что бабушка уверена, что нет. Или

просто не помнит ни черта. А потом она мне сказала: – Вот когда я умру, ты и ко мне на кладбище не придешь! – И я поступила подло, по-свински. Вспомнила все наши разговоры и спросила у нее: – А ты много к своей матери на кладбище ездила? – На этом наша беседа была закончена. Удивительно: деменция, не деменция, любые изменения сознания и восприятия – но человек в этом состоянии точно находит ту точку, в которую нужно ткнуть, чтобы вызвать максимум реакции. Причем безошибочно. Там не помню, здесь не помню, какой день – не знаю, что ела на завтрак – не помню, но куда нажать – находит виртуозно. Я даже в некотором смысле восторгаюсь.

А больше, пожалуй, рассказывать и нечего. Все идет своим чередом. Пиши мне, и не забудь про кладбище.

Целую.

Я.

(расшифровка аудиозаписи)

Привет-привет!

Я была страшно рада получить твое письмо. Так здорово! Пусть и не в конверте на бумаге – а в конверте и на бумаге я бы все равно его не смогла прочитать – но здорово. И это моя попытка записать письмо на диктофон – надеюсь, что все получится, и ты сможешь это послушать, хотя мне, ко-

нечно, странно наговаривать вот так текст, получается письмо, а вроде и не письмо. Почему ты не хочешь подключить себе Скайп? Это странно.

Мы гуляем по Чехии – это такой кайф! Чисто, доброжелательно и вкусно. Все время пьем пиво. Тут такое пиво! тебе надо обязательно попробовать! У нас вроде и продают чешское пиво – но это совсем не то. То ли вкус, то ли запах – но нет ощущения кайфа от пива. И ели вепрово колено. Оно громадное! Мы еле осилили. А кнедлики оказались жуткой гадостью. О них столько всего говорили и рассказывали – а оказалась ерунда. Мокрая булка, – и все. Но мы утешились пивом. А потом еще немного погуляли и еще утешились.

Плохо то, что у меня болит нога. А ровных дорог тут нет. Не так, как у нас нет – а просто они все идут то вверх, то вниз. И брусчатка. А трамваи! Они тут носятся, как сумасшедшие! Узкая улочка, он звенит, как бешеный, и летит! И низкая посадка – я могу спокойно в него залезть. А билет называется "езденка". Покупаешь себе езденку – и едешь целый день, где хочешь. Трамваи в Праге носятся как угорелые, каждые пять, семь минут в центре города возникает трамвай. Он несется почти без шума и грохота и звенит. Там, где он виляет по узким улочкам и увидеть его заранее невозможно, он звенит.

Мы гуляли, и – сегодня был хороший день! – я даже что-то могла увидеть. Черепичные крыши, улочки, трамвай этот бешеный. Видимо, потому, что не было солнца, при ярком

солнечном свете ведь ни черта не вижу, а тут такой рассеянный свет, и я смогла разглядеть все это волшебство. Ты же знаешь – мне иногда снятся архитектурные сны. И вот это было как в таком сне. И запахи – вода со Влтавы, и пиво, и колено.

Насчет бабушки. Мы же весной ездили с ней на кладбище и все сделали! И фотографию, и оградку Иваныч три часа красил, надрывался. И цветы она сама купила. Просто совети у нее нет. Как так можно? И спасибо тоже никогда не дождешься. Она же сама там со своим приятелем бегала по кладбищу и договаривалась с работником, чтобы он фотографию приклеил. Триста рублей заплатила. Так что ты не переживай.

Завтра снова пойдем шляться. Нам рассказали, что тут неподалеку есть "замек" – вот попробуем туда съездить, посмотреть. Или не завтра. Или пойдем на лановой драге кататься – это фуникулер так называется.

Пиши, как у тебя там дела и как бабушка себя ведет.

Целую.

Мама.

Здравствуй, мама!

У меня времени написать нормальное письмо с подробностями совершенно нет, но тут бабушка хочет сказать тебе

пару слов – вместе с приветами. Она диктует, я записываю. Все, целую.

Дорогая доченька!

Как вы там отдыхаете? Все хорошо?

Я чувствую себя ужасно. Голова болит постоянно, очень тяжело. Мне сказали тут название лекарства от головы, но я забыла, как называется. Говорят, хорошее лекарство.

Сегодня ходили в магазин, купили... купили... не помню, что. Булку и этот... как его... кекс! не московский... столичный! как водка.

Ночью спала плохо, очень душно. И голова все время, голова... прям не знаю, что делать. Помру, наверное, скоро.

Любочка ругается – пора заканчивать.

Целую, доченька!

Отдыхайте там хорошо!

Мама.

Коля умер, и теперь они меня перебрасывают, как грушу. Или как мяч. Марта сказала: я тебя заберу. Меня никто и не спрашивал. Два года я жила одна. Или три? Мне нечего рассказать. Марта приезжала, и Любочка, но если бы они переехали ко мне! Но они не хотели. У всех мужья, а у меня мужа нет. Последний год Коля болел. Не жаловался. Я к нему в больницу ходила, когда он лежал. Еду носила, куриный бу-

льон. Он не хотел уже ничего. А последние дни он уже просто лежал. И меня не узнавал. И вот теперь я живу у Марты. То есть Марта куда-то уехала... За границу? Не помню. И я пока у Любочки.

С Колей мы жили хорошо. Марта говорит, что он алкоголик. Все время выдумывает. Пил немного. Как все. Я уезжала, когда он пил. Ну попьет дня три, иногда неделю, зато потом такой ласковый, такой нежный! Ревнивый только. После работы с автобуса встречал. А если я на пятнадцать минут позже приехала: где была? У любовника? Я видел, как он на тебя смотрел! Не ври мне! Все вы, бабы, врете! Я ж хочу, чтоб все по чести по совести! И если мне ехать к Марте – это надо на работе с обеда отпрашиваться, чтобы домой вовремя приехать. У него ж первая жена гуляла, потому с ней и развелся. И даже с сыном потом не встречался. Любочку только любил, она ему как родная внучка была. Но без него я и к Любочке не могла поехать. Должны вместе ехать! Куда это ты намылилась? Все думал, что у меня любовники.

Покупал мне все, что я хотела. Самой, правда, не разрешал покупать. Если мне в рынок было надо, он мне список писал, чего купить. И денег давал по списку. Если Марте помочь – то только с премии, чтобы Коля не знал. У него все по чести по совести. Молоко – 30 копеек, хлеб -14 копеек. И даст ровно 44 копейки. Ладно, рубль. Но сдачу потом пересчитает. Не жадный, нет. Считает деньги. Если мне надо платье – пойдет и купит. Вместе со мной. И уж если ему пла-

тье не понравится... Но у меня ж своя пенсия еще была, свои деньги – и я не говорила ему, какая у меня пенсия, а работа сдельная, откуда он узнает? Вклады на меня в банке открывал, чтобы деньги были. Вот они и пригодились, когда он умер. Но это Любочка все решала. А я... Я ничего не могла. Я только плакала и думала, как я буду без него жить.

Похоронили мы его хорошо. Место хорошее, высокое – песочек, памятник хороший сделали, фотография там отличная. Любочка только не хочет на кладбище ехать. Ну, ей некогда, она работает... А я так хочу на него посмотреть! Он там на фотографии как живой. Дорогой мой муж.

(расшифровка аудиозаписи)

Привет!

Как вы там? Как бабушка? Была очень рада получить письмо от неё – передай ей привет и пусть пишет ещё. И то, что ты ей помогаешь – это очень хорошо! Только жалобами на свою головную боль она меня уже достала. Ну как может болеть голова, если там ничего нет? Впрочем, свою головную боль она использует как единственное доступное ей средство сказать, что она чего-то не хочет. Это фантастический механизм, конечно. Помню, я ей говорю: "Мамочка, давай мы сделаем..." А она начала отвечать: "Я не хо..." и потом, сразу же: "Ой, у меня так болит голова!" Даже и не смешно. Дер-

жись там.

Я наслаждаюсь жизнью и совершенно рада тому, что могу не думать о бабушкиной головной боли. Вчера мы ходили в Вальдштейнские сады. Иваныч меня оставил там в парке, пока бегал куда-то с Машенькой и Виталием. И я сидела-сидела, сидела-сидела. Они мне коньяку оставили, чтобы я не замерзла. Я фотоаппаратом везде пощелкала со скамейки, чтобы разглядеть уже дома. А потом мне сидеть надоело. И я осторожно так пошла. Ступенек не вижу, ни черта не вижу, палкой шурую, но повезло. Погуляла туда-сюда, наткнулась на толпу народу. А толпа стоит, что-то рассматривает, зовет "цыпа-цыпа". Я подошла ближе – и остолбенела. Посреди лужайки стоит белый павлин, как облако, и время от времени распускает хвост. Даже я увидела, какой он и как он светится со своим хвостом. Знает, что хорош, зараза. Я его тоже нащелкала, только не знаю, как получится.

А ведь я никогда не видела и не знала, что существуют белые павлины! Только вот думаю: какие мышцы и мускулы нужны ему на заднице, чтобы держать всю эту красоту хвоста? Раскрывать его и закрывать. Представляешь?

Когда мы с Иванычем плутали по Жижкову и наткнулись на собор св. Прокопа, на меня снизошло озарение. Вдоль собора проложены трамвайные пути. В какой-то момент по этим путям с бешеной скоростью пронесся трамвай. И тут я поняла, что трамваи в Праге похожи на павлинов, несущихся, распустив хвост, сверкающих огненными, голубыми,

желтыми перьями. Этот образ начал преследовать меня всюду, где я видела несущийся трамвай. Длинные его вагоны развеваются за ним как хвост павлина, когда он гордо перелетает через подстриженные кусты.

Иваныч, папа которого много лет работал ремонтником трамвайных путей, сказал мне, что в Ленинграде и в Праге абсолютно одинаковой ширины рельсы, и трамваи проектировались и создавались такими же, как и у нас. Или как у них. Только у нас все порушили, а в Праге экологически чистый транспорт, несущийся мимо соборов как павлины в брачный период.

Целую. Привет бабушке. Пиши, как у вас и что.
Мама.

Из личных сообщений в социальной сети.

Заявка в друзья: Никита Васильев.

Никита Васильев online

Никита: Люба, добрый вечер! Очень рад был вчера с Вами познакомиться и видите нашёл Вас тут. Хотя это было не так просто. Вы, оказывается, за мужем. Это сильно уменьшает мои шансы выпить с Вами кофе на будущей неделе?

Люба: Добрый вечер, Никита!

Рада вас тут видеть. Да, и я с удовольствием выпью с вами кофе. Только если возможно, днем, потому что у меня сейчас живёт бабушка, и она будет волноваться, если я уйду вечером.

Никита: Прекрасно, Люба! Я очень рад. Как на счёт среды? Часа в два?

Люба: Прекрасно! А где?

Никита: Давайте встретимся около Периных рядов и потом сообразим, куда можно пойти.

Люба: Договорились. Только напишите мне во вторник вечером, чтобы я была уверена, что ничего не изменилось)))

Из личных сообщений в социальной сети.

Ольга Степанова online

Люба: Оль, твой одноклассник, которого мы вчера встретили в кафе, мне написал! Приглашает кофе пить. С ним вообще можно идти?! Ты мне лучше скажи сразу, а то вдруг он маньяк.

Ольга: Ну ты даёшь! Попей кофе, попей.

Нет, вроде не маньяк. По слухам, женат и взрослая дочь. Но, кажется, вполне благонадежен. Так что можешь попы-

тать удачи.

Люба: Спасибо за информацию! Я ещё подумаю.

Ольга: Вы когда собираетесь-то?

Люба: В среду днём. Во вторник договорились списаться ещё раз. Если бабушка себя хорошо будет чувствовать – пойду. Наверное.

Ольга: Ну-ну. Потом расскажешь)))

Люба: Хорошо))) ну и ты тоже поспрашивай, как там и что. Мне же интересно.

Ольга: Договорились.

Иногда я почему-то вспоминаю старую квартиру на Красноармейской. Она мне до сих пор снится, даже здесь, в Чехии, в Праге. Павлин почему-то не снится. Эти комнаты, потолки... Старая лестница. Как меня мужик какой-то на этой лестнице за жопу щипал. И бабушка. И ведь ходили к нам гости, гости без конца, бабушка готовила, пироги пекла. Я потом уже, когда с ней жила, пироги эти на работу носила. Так весь отдел слетался, как коршуны, на запах. Сметали все подчистую. А потом квартиру ту разменяли, переехали, и сейчас я думаю: как можно было жить в трешке с родственниками? Мама, Коля ее ненаглядный, бабушка и мы с Любкой. Бабушка Лешку ненавидела. Что, говорит, без кола без двора. Зачем тебе этот малохольный? А я его любила... Так лю-

била, до боли просто. Да и до сих пор люблю, наверное. Николай Иваныч пил, конечно, периодически, и под это дело ругался со всеми. Мы в одной комнате, мама с ним в другой, бабушка в третьей. А ревнивый до чего был мужик, зараза! Как он мои трусы все ножницами порезал! Пришел с работы, трусы сушатся на веревке на балконе. А он смотрит – я же не знаю таких трусов! Как это у моей жены могут быть неизвестные мне трусы?! и порезал все в клочья. А то, что это мои были, ему и в голову не пришло.

Привет, мама!

Твой пингвин (то есть павлин) меня потряс. Я никогда не думала, что существуют белые павлины. Что это вообще возможно. Белый носорог – да. Даже белый слон. Или розовый. Но белый павлин? Немыслимо.

Мы живём хорошо. Здоровье наше хорошее. Только лапы ломит и хвост отваливается. (Шутка).

Сашуня нашла бумажку от ЛОРа. Помнишь, она к нему ходила, когда у нее ухо болело? На бумажке написано: герпес уш. рак. Сашуня говорит: надо ехать на Черную Речку. Вот доктор написал. Я спрашиваю – зачем? Она говорит – вот тут рак написано. Боже. И ведь не убедить ее, что это не рак, а раковина. Рвется на Черную Речку. Я говорю: никуда не надо ехать! Никуда! Зачем тебе врач? У тебя ухо бо-

лело и уже прошло! Все в порядке! Но нет. Она обижается. Как будто смерти ее хочу. Надулась, ушла в комнату. На следующий день снова: надо ехать на Черную Речку! И бумажкой размахивает. Я начала орать, что сейчас бумажку порву на мелкие клочки и выброшу. Нет-нет-нет, только не выбрасывай. В общем, отобрала я у нее эту бумажку, пихнула к остальным документам. Чтоб не читала она ее больше никогда. И врач – идиот. Надо было такое написать? Нет мозгов тоже, совсем как у Сашуни. Хотя я понимаю – для него это обычное сокращение. Нормальному человеку даже в голову прийти не может, что это все можно так прочесть...

Вчера гуляли. Сашуня, конечно, хуже, чем раньше. И ходит медленней, и останавливается чаще. И у неё болит голова. Но это не помешало ей с энтузиазмом ходить по магазину, смотреть всяческие шмотки и постоянно говорить о том, что ей ничего не нужно, но, Любочка, посмотри, какое платье! Тебе пойдёт! Платье – в цветах и еле прикрывает задницу. Был бы у меня хвост, как у павлина или у трамвая, тогда это платье было бы возможно. Но хвоста у меня нет, увы. При этом Сашуня советует это платье мне, что совершенно не мешает ей всех встречных девиц в юбках чуть выше колена обзывать шлюхами. Просто удивительно. Но мне, хоть я и не павлин, можно носить и такое, по её мнению.

В общем, платье мы не купили. Возможно, зря. Зато выкатились из магазина с бутылкой вишнёвого пива и коробкой шоколадного зефира. Пиво – мне, зефир – Сашуне. Но

кассирша-то об этом не знала. И смотрела на нас с подозрением. Впрочем, Сашуне я тоже пива налила. И ей вроде даже понравилось.

Вот и все наши новости.

Целую.

Люба.

Иногда ведь хочется написать письмо, мама. И я его не пишу. Или написать письмо – и не отправить. Но это – ненаписанное. Потому что выложить свои мысли на бумагу – это придать им некоторую материальность, а ведь мы этого боимся, правда? Боимся, мама, что живем не так, не там и не с тем. И так мучительно это осознавать. Потому что вот думаешь – надо жить как люди. И хочешь жить как люди. Но ведь не получается, никогда не получается, мама. И ты что-то делаешь, стараешься, рвешься из последних сил, как тот павлин с белоснежным хвостом – но все равно не так, не там и не с тем. И сделать с этим решительно ничего невозможно, мама, как бы этого ни хотелось – мне или тебе, мама, совершенно неважно. Возможно только бежать быстрее и делать больше. Потому что чем быстрее бежишь – тем меньше думаешь. А остановиться и задуматься – страшно, мама. Потому что, если остановишься, то поймешь, что живешь не так, не там и не с тем.

Из переписки в социальных сетях.

Ольга Степанова online

Люба: Ну, встретила я с этим Никитой. Жива вроде)))
наверное, он все-таки не маньяк *с сожалением*

Ольга: Ну и слава богу))) я пока про него подробности
узнать не успела, завтра позвоню одной из нашего класса,
поспрашиваю.

Ну вы хоть договорились о следующей встрече?

Люба: Ты знаешь, нет. Я как-то вдруг спохватилась и по-
бежала домой. В общем, не знаю. Посмотрим. Может, напи-
шет)))

Ольга: Ну, жди, жди. Оно тебе надо?

Люба: Я ещё не поняла))))

Но ты мне напиши, как что узнаешь.

Твоя-то история как?

Ольга: Ой, ну какая история. У меня этих историй... Ну
вот вчера встречалась с одним. После работы, голодная, злая.
И ведь думала поесть как человек перед свиданием – но нет,
опаздывала. Думаю: встреча в ресторане, не просто так. На-
кормит, наверное. Пришла. Ждет меня с букетом цветов.
Приятно. Ну что, говорит, будешь есть? Кофе и пирожные?
Тут вкусные пирожные – таких нигде больше не делают. Со-

гласилась я на пирожные. А они оказались маааааленькие. На один зуб. Время расплачиваться – я как приличная достаю кошелек. Он – нет-нет, Ольга, что вы-что вы! Расплачивается. И пожаловаться вроде не на что – накормил, наполнил, за меня заплатил, но вот честное слово, лучше бы я сама расплатилась и поела как человек. Вот такая вот история.

Люба: Понимаю. Мне тоже в итоге обычно проще заплатить самой. Но начнешь за себя платить – они обижаются, нежные и трепетные.

Ольга: Ну да. Пришла потом домой, сварила себе сардельку и ела ее, урча. Вечером ему написала – спасибо, все было прекрасно.

Люба: И?

Ольга: Ну что, договорились еще встретиться)))

О Никите все завтра узнаю, напишу.

Люба: Спасибо тебе! Не грусти)))

Ольга: Не дождетесь.

А я вспоминаю. Вот они говорят – алкоголик, пьяница, а кто не пьет? Вот муж мой первый пил. И гулял. Открывается дверь, и появляется он на пороге с какой-то бабой. Вот, говорит, знакомься, это Наташа. А Наташу эту он из какой-то командировки привез. Накорми, говорит, напои, спать уложи. Что я могла сделать? Накормила и напоила. Или вот при-

ходит с другом своим, Иван Петровичем. Пьяные оба. И вот Иван Петрович спрашивает: «Ну что, князь Шуйский? А не пора ли нам к княгине Марье Алексевне?» И уходят на всю ночь. Под утро он возвращался и уходил на работу. Ничего хорошего я с ним не испытывала. А я же еще с мамой жила, мама за Мартой смотрела. Строгая была. Ее он побаивался. При ней вел себя как надо.

У его приятеля была жена, Елена Кузьминична. Мы к ней иногда в гости ходили, танцульки устраивали. Там и познакомилась с Николаем. Он за мной ухаживал. Цветы дарил, встречал – провожал. Военный. Красивый.

К нам приходил. Выпивали они с Иннокентием вместе. У Елены Кузьминичны встречались.

А когда Марта закончила институт, был выпускной. Иннокентий не пошел. Идите, гуляйте, говорит. И мы с Николаем пошли. Встретили и Марту, а она со своим будущим мужем была, и группу их, с которой они учились. Погуляли с ними, потом уже сами пошли. Прошли мост лейтенанта Шмидта, пошли по набережной, дошли до Марсова поля, молодые были. И пришли в квартиру под утро.

Николай переночевал у нас на раскладушке и уехал.

Ольга Степанова online

Люба: Оль, ты не поверишь! Он мне сегодня позвонил.

Пригласил на свидание. Ну, то есть не на свидание, а кофе попить.

Ольга: Ооооо! Как круто! Только себя не обманывай – "просто кофе попить". Где ж это видано – просто так пить кофе? Ты там смотри, поосторожнее кофе пей)))))

Люба: Да ты что! я очень осторожна. Ну, я надеюсь. Дого-ворились на послезавтра. Ты ничего про него не узнала?

Ольга: Могу сказать только, что информация подтвердилось. Женат, дочь школу заканчивает. Видимо, отношения с женой не очень хорошие.

Люба: Почему это?

Ольга: Да потому что он с тобой на свидание собирается, балда.

Люба: Блин, я так волнуюсь! Как в шестнадцать лет. Можно подумать, первый раз замужем)))) да и надеть совершенно нечего, все как всегда.

Ольга: Да не волнуйся. Ерунда. Ты же понимаешь, что мы умницы, красавицы и все такое. А твой-то как?

Люба: Ну как... Как обычно. Вечером пришел, пива выпил и спать. В прошлые выходные он этого пива столько выпил, что я думала, лопнет. Ну что я тебе буду рассказывать. Ленку колбасит, одни мальчики на уме. То есть то мальчики, то депрессия, то эйфория, то в монастырь собирается. В школу каждый день еле-еле отправляю. Вспоминаю себя: как влюблялась, так в школу ходила с удовольствием, посмотреть на предмет обожания. А если нет – то что там делать?

Вот и на работу так же хожу, и домой. Сил как-то совсем нет, заканчиваются...

Ольга: Эээээ! Ты не раскисай там! Ее на свидание пригласили, а она ноет!

Люба: Да мне Сашуня сегодня весь мозг выклевала. Я пришла с работы, спрашиваю: ты ела? Нет, не ела. Ну вот же, говорю, в холодильнике полно всего! – Я не хотела. – Вот творожок, вот ватрушка, тут суп. – А мне Леночка ничего не предложила! Я к Лене: ты почему бабушку не покормила?! А она – ну конечно, не покормила! Я ей предлагала. А она говорит, что бутербродик съела и хватит. В общем, все как всегда. Один на другого валит. Чашку мне разбила. Я спрашиваю: кто чашку разбил? Это не я! отвечают обе хором. Нормально, нет? Как дети малые. А ты говоришь – свидание.

Ольга: Да я ничего и не говорю. Я, может, тебе просто завидую. Как обычно.

Люба: Чего завидовать-то? Ты вот тоже на свидании недавно была))))

Ольга: Офигенное свидание. Даже не говори))))

А вот помнишь, я тебе рассказывала про однокурсника, который был в меня влюблен? И просыпается с периодичностью раз в полгода?

Люба: Помню, конечно! И что? Проснулся?

Ольга: Вчера в час ночи написал смс. Какую музыку ты любишь? Взрослый мужик, под сорок лет. И такую чушь пишет. Главное, что я полчаса еще думала, что ему ответить.

Написала в итоге «Извини, спокойной ночи». Вот чего он хочет, а?

Люба: Ну, тебе лучше знать, чего он хочет. Понятно, что не узнать, какая музыка тебе нравится))))

Ольга: Это да. Но я так и не понимаю, чего Вадику надо. Жена, трое детей, а он мне смсит в час ночи...

Люба: А ты его спроси))))

Ольга: Хорошая идея. В следующий раз напишет – спрошу. Вы-то с Никитой в приличном месте встречаетесь?

Люба: Вроде да. Договорились на обед))))

Ольга: Отлично! Никите от меня привет.

Люба: Непременно передам. Ладно, пошла я спать, а то сил моих нет. Сейчас вот только посуду вымою и спать... А то надо ж прилично выглядеть хоть иногда!

Ольга: Спокойной ночи))))

И что делать с этой старостью, с этой немощью, я не хочу этого, мама, я не хочу стареть, я не хочу быть, как ты, мама! Не помнить слов, не помнить лиц, а помнить только события далёкого прошлого и то, что вот здесь, на Блюхера – то есть на Покровской, была Покровская церковь, был китайский огород, и жили тут китайцы, а сейчас все не так и совсем уж нет того, что было, и вспоминается только этот – как его звали? – который помогал мне Марту забирать домой из

детского сада, а Иннокентий ругался и приводил баб в квартиру, а мама ругалась и не выносила его на дух, бабника и алкоголика. Что делать с этим, мама? С воспоминаниями, которых почти нет, которые расплываются в туманное пятно, ускользают, не оставляя после себя даже слов, даже имен, даже лиц... Как жить с этим, когда ничего больше нет? Ни красоты, ни молодости, лишь морщины, пятна, слезящиеся глаза, головная боль и этот... Как его звали? Я не хочу так, мама!

(расшифровка аудиозаписи)

Привет, Любка!

Ну как ты? Как бабушка? Не достает?

А я тут наслаждаюсь. Про павлина я тебе уже рассказала, но павлином дело не ограничилось. То есть, конечно, такой красоты я больше не видела, но...

Мы тут с Машенькой и Виталием поехали в Крумлов. Меня поражает, как Машенька заказывает все эти гостиницы, билеты. Она просто ас. Ищет по сайтам, находит дешевые варианты, вычисляет оптимальный путь. Ведь в Чехии автобусы ходят по расписанию, что у нас представить совершенно невозможно. И запросто можно сесть на автобус и уехать куда хочешь. А поезда! Мягкие, удобные, и проводники вежливые. Я такого не видела никогда. Помогут и войти, и вый-

ти – это что-то потрясающее!

И вот мы поехали в Крумлов. Маленький средневековый городок. Машенька сняла номер в гостинице, на нас всех четверых. Крумлов – узенькие улочки, замек на горе, старые-старые дома... Ходишь по улицам и видишь, какой была Европа когда-то. Черепичные крыши... А номер в гостинице! В номере есть колодец, представляешь? причем мы не сразу его даже увидели. Потому что из колодца сделан стол. Стеклянная столешница, а под ней – колодец. Иваныч пошерудил рукой под столом – и включил свет. Там до воды 3 метра, и самой воды еще четыре, нам потом хозяйка сказала.

Мы оставили вещи в гостинице и пошли гулять. Народу – тьма. Зашли в ресторанчик, поели – Виталий – вепрово колено, мы с Машенькой какие-то прекрасные колбаски – такие... Румяные, свиные, настоящие! вот прям ешь и знаешь, что они настоящие. Иваныч вместе с Виталием припал к колену. А мы с Машенькой потом заказали еще змерзлину. Змерзлина – это мороженое. И потом еще пивечка двукрат. То есть не двукрат, конечно, а четырехкрат, но я не знаю, как это будет по-чешски. Обожрались, вышли из ресторанчика – а на улицах – никого. Этого не представить. Машенька потом сказала, что жителей в Крумлове 11 человек. Ни одного горящего окна вечером. Хозяин ресторанчика, видно, за нами дверь закрыл и испарился. Вымерший город, вымерший абсолютно, как будто там и не жил никто никогда. И мы как путники с Земли в "Марсианских хрониках" пошли

в свой гостеприимный пансион без всякой уверенности, что доживем до завтра. Марсиане затаились и ждали. Днем они прикидывались людьми, а ночью.... Но обошлось. Утром мы спустились вниз, а там хозяйка уже хлопочет вовсю. А ведь вечером ее не было. Тебе обязательно надо съездить в Крумлов! Обязательно!

Говорить больше не могу – Виталий гонит меня из-за компьютера – Машеньке надо работать.

Целую. Привет бабушке.

Мама.

Вечная проблема – что надеть на свидание. И ведь неважно, сколько тебе лет – сорок пять, тридцать восемь, пятнадцать или шестьдесят. Достаешь, примеряешь – ах, это не то, это не так, и в этом у меня складочка на попе. Вдруг Он узнает, что я живой человек? Или он увидит меня, и полюбит, и будем мы жить долго и счастливо, тридцать лет и три года, и умрем в один день.

Головокружение, сердцебиение, и, господи, как дрожат ноги. А муж? Вдруг узнает муж? А что он узнает? Ведь ничего же и не было, правда? Еще не было.

Но будет. Возможно, если ты захочешь, если найдешь в себе силы, которых нет на любовь, но которые когда-то были. Давным-давно все было, но оно забыто, потеряно, утра-

чено, разворовано – мама, бабушка, прабабушка, дочь, дочери. Мужских фигур нет здесь. Нет опоры, нет никакой опоры, кроме самой себя, а это так сложно, так невозможно, так безвозвратно...

Но что же надеть?

Привет, мама!

Ты меня, конечно, поражаешь своими рассказами. То павлин, то Крумлов. Такая красота!

Мне тебе писать особо нечего, как ты понимаешь. Я уже Оле своей вчера жаловалась, как меня эти две красотки замучили – Ленок и Сашок. В смысле мои родные дочь и бабушка. Сашуне как будто пять лет. Когда хочет – все понимает и все делает. Но когда не хочет... Я ей говорю – не надо чайный пакетик класть в Вовину чашку! – Это не я! отвечает. Я говорю: неважно, кто, не клади пакетик туда! Вот тебе блюдечко! а сама думаю: ну кто же, кроме тебя, может еще это сделать? Все остальные выкидывают пакетики в ведро, а я завариваю себе чай в чашке.

Ест плохо. Утром ест свой любимый геркулес. Вот как дед ее приучил – так и происходит. Утром – каша. Я сварила сегодня с утра – не надо было на работу бежать – положила ей. Ой, что так много? А это моя месть, говорю. Помнишь, как вы с дедом во Пскове заставляли меня кашу есть? вот

теперь и ты ешь. И ты знаешь, покорно все съела. Если с ней строго – так она не очень и сопротивляется. Но голова болит постоянно. Правда, часам к четырем проходит. И тогда можно пойти погулять. Но на улице начинает задыхаться и жаловаться. Уже не на голову, а на то, что болит за грудиной. Не знаю, сердце, наверное. Вернешься – надо врача вызвать, что ли. В поликлинику ее ведь отправлять бесполезно, да и что там скажут, в этой поликлинике. Опять пропишут таблетки – эту половину от головы, а эту от жопы.

Вечером смотрит Малахова и "Давай поженимся". Я скоро эти передачи буду наизусть знать. Зато "Модный приговор" с утра у нас на ура идет. Правда, Сашуня все это комментирует своеобразно, то есть как обычно. А это что за жирная корова? А, Бабкина? Ну тогда ладно. Она ничего. Или Эвелину обозвала худыми мощами. И смех, и грех.

Целую.

Люба.

А потом, после той прогулки с Колей, мы с Иннокентием собирались ехать в отпуск. Мама пирогов напекла. Я рубашки гладила Иннокентию. А он, когда пришел, чуть не ударил меня утюгом. То ли я складочку не разгладила, то ли что. А я ему и говорю: я с тобой в отпуск не поеду! Не поеду!

А потом пришел Николай. Конечно, они выпили. Сидели

на кухне и разговаривали на тему обо мне.

Иннокентий спрашивает: "А ты мою жену любишь?" Коля отвечает: "Люблю!" А Иннокентий: "Тогда забирай!"

Руки друг другу пожали.

Тут Коля говорит: "Ну что, Сашуня, давай собирайся!" Я быстро собралась, и мы убежали – с пятого этажа по лестнице унеслись. А Иннокентий бежал сзади, но, конечно, не догнал.

А мы с Колей сели в электричку и поехали через Ораниенбаум в военную часть. От Ораниенбаума взяли такси.

Доехали до военного городка. Там на входе сидели военные, что-то пели, играли, мы с ними тоже посидели. А потом вроде надо к нему идти, но там в доме еще соседи, другая семья жила. Он говорит: я сейчас пойду туда. Видишь мое окно? Пойдешь, когда я зажгу свет. И дырку в заборе показал. Я подождала немного, он зажег свет, и я побежала к нему. И у него мы пили вино "Черные глаза", понемногу, разговаривали, а потом и в койку.

И я уехала жить в Петергоф к тете Клавде. А тетя Клавдя уехала к маме, в Ленинград. Вечером после работы приходил Коля, оставался ночевать. В выходные мы ездили на залив, купались, гуляли в Петергофе в парке. Еще через две недели Коля ушел в отпуск, и мы стали все время проводить вместе. Потом вернулась тетя Клавдя. Домой я ехать не могла, и мы с Николаем спали на балконе. Четвертый этаж, старый дом. Матрас на балкон бросили и спали там. Воздух, звезды. И ни

на одну женщину, кроме меня, он не смотрел! Просто обо-
жал. Ревновал, конечно, ну и что? После всех баб Иннокен-
тия, после унижений – ты, Сашка, такая дура безмозглая! –
было просто счастье. Петергоф, лето.

Ах, Никита! И ведь кажется – я взрослая тетка. И о чем бы
мне думать? надо бы о хозяйстве, о муже, вот ремонт надо
сделать, и мебель поменять, чтобы было все, как у людей. А
как у людей не получается никогда. Ну вот что меня понесло
встречаться с этим Никитой? Ведь вроде и не надо мне этого,
и есть у меня все: и муж, и девочка любимая, нормальная
семья.

Вчера мучили меня эти сомнения, мучили, но пришла
домой с работы – Вовка опять пьяный сидит. Глаза крас-
ные, опухшие, опять у него на работе какие-то неприятно-
сти, непонятно какие, злится, Ленку гоняет – то она чайник
не так поставила, то свет в туалете не выключила, то ведро
мусорное не вынесла. Я ужин приготовила, старалась вро-
де – а он туда майонеза с кетчупом намешал, ну что ты бу-
дешь делать. Ведь ни вкуса, ничего не осталось, один вред. –
Ты меня любишь? – спрашивает. Конечно, люблю. А как же
мне тебя не любить? И такая ненависть к горлу подкатывает,
прямо ни видеть, ни слышать его не могу. Но ведь нормаль-
ный же мужик на самом деле. И деньги зарабатывает, и ме-

ня любит, и Ленку. Но не могу. А запах этот пивной! Такое ощущение, что пиво через все поры его тела просачивается, и пахнет, пахнет! А с утра перегаром. Невыносимо. И тут я и подумала – а почему бы не встретиться с Никитой? Должно же у меня быть в жизни хоть что-то хорошее. Потому что так жить невыносимо, невозможно. Ленка ноет, хочет пупок проколоть. Ну куда ей этот пупок прокалывать? Что за глупость нечеловеческая? щелк! открылась еще одна банка пива. Я не могу слышать этот звук. Ну просто не могу. Если даже на улице кто-то пиво открывает -я вздрагиваю и волосы на спине дыбом встают. Просить, запрещать, что-то еще делать – бесполезно. Только хуже будет.

А потом он спит всю ночь на кухне, мордой в стол. А Ленка с утра – а папа опять всю ночь на кухне проспал! Спасибо, я знаю. Раньше я его пыталась в кровать уложить. А потом думаю – а зачем мне это? чтобы он всю ночь над ухом храпел? Ноги свои раскидывал? Пусть лучше на кухне.

А Никита... Непередаваемые ощущения. Пока все это на грани легкого флирта, вот эти чудесные заигрывания, взгляды, разговоры ни о чем, но сколько в этом жизни, дыхания, счастья! Я понимаю, он женат, да и я замужем. Дочке младшей у него два года. Говорит, с женой давно не общается – все так говорят. Жена не работает у него, по дому хлопочет. Может, оно и правильно. Только как можно не работать? Это ж свихнешься от скуки. И я представляю себе, как я не работаю. Нееееет. Это невозможно. Не работать, не выходить из

дома, вечером ждать мужа, с ним разговаривать, потому что поговорить больше не с кем... Ах, нет, они же не разговаривают. А с кем она общается? С ребенком? Но чувства вины нет во мне. Взрослый мужик, знает, что делает. И что-то мне подсказывает, что я не первая и не последняя. А может, и вообще параллельная. Но это совершенно неважно. Потому что... да, возможно, это будет месть. Моему прекрасному и нежно любимому мужу. Но почему нет? Измена, измена!

(расшифровка аудиозаписи)

Привет, Любка!

Как ты? Как Сашуня? Как Ленок? Все ли у вас в порядке?

А мы продолжаем гулять. Из Крумлова вернулись обратно в Прагу. Я же тебе не писала, как мы катались на лановой драге? Это что-то фантастическое. Этот фуникулер совсем не такой, как мы привыкли видеть в фильмах – канатная дорога раскачивается в небесах и кабинка едет. Тут целый вагон, который передвигается по зубчатым рельсам. Я, конечно, ни черта не увидела, но Иваныч мне рассказал технологию. Зубчатое колесо цепляется за зубчатые рельсы, и вагон ползет вверх со страшным грохотом. Ползет всего минут пять, может, десять, но кажется, что целую вечность. А наверху, на горе Петржине, тоже парк. Только уже без пав-

линов. Цветут розы – дивный аромат! Дорожки все аккуратные, мелкий песочек (или гравий?), но ходить очень удобно. А на склоне горы растет целый лес. Наверху – парк, внизу – лес, но спускаться мы там не стали, потому что я закричала, что такой спуск я никак не осилю. Поэтому мы погуляли по парку, понюхали розы и на лановой же драге спустились вниз. Пошли, как всегда, в ресторан, и там ели. Не могу не рассказывать о чешской еде, потому что кажется, что никогда в жизни так вкусно не ела. А пиво – пиво выше всяких похвал.

Потом мы поехали обратно в гостиницу. У нас же там апартаменты даже с кухней. Две комнаты – в одной мы с Иванычем, в другой – Машенька с Виталием. Удовольствие и наслаждение. Только нога болит зверски.

Целую.

Мама.

С каждым написанным словом голоса в голове звучат все тише и тише. Мама, бабушка, прабабушка, тетя, дочери, девочки... Каждая хочет сказать свое слово, за каждой стоит своя правда. И ведь я люблю их всех. Я могу злиться, могу орать, могу быть невыносимой, но они мои родственники, моя семья, и, по сути, больше никого у меня нет. Мужчины... Мужчины приходят и уходят, а семья остается. Это

странное ощущение семьи по женской линии, как будто мужчин нет вовсе, или они неважны, но это ведь неправда. В отличие от той, своей, правды.

Я люблю своего отца. Он тоже любит меня, но все это было всегда так невыразимо, так несказанно. Как сказала одна женщина – я двадцать девять лет замужем, но он ни разу не сказал, что любит меня. Возможно, слова не нужны. Слова – лишнее, но мне ли так говорить, написавшей уже не одну тысячу слов? Все важно. И слова тоже.

Я помню, как маленькой девочкой гуляла с отцом. Это было всегда счастье, всегда удовольствие, потому что он рассказывал истории, половину которых я не понимала. Все так чудесно, и твой дедушка был волшебником. А ведь ты знаешь, что волшебство передается через поколение? Дедушка всегда знал, кто идет к нему в гости или кто звонит по телефону. Я тоже иногда это знаю. Но мне кажется, это же у всех так? До сих пор я гадаю, чей же это дедушка – мой или его. И кому передалось волшебство – мне, которая ничего с ним не сделала, потому что всегда считала его не своим, или ему, который пропил все то волшебство, которое было ему положено.

Сегодня мне снова снился папа. Он иногда мне снится. Иногда снится в нашей старой квартире на Красноармей-

ской, иногда в той комнате, в которой он жил последние годы. Мне всегда кажется, что он укоряет меня, обвиняет меня. Ведь я виновата. Я не видела его последние десять лет его жизни. Как я могла? Ведь он любил меня. И я любила его. И я так и не сказала ему об этом.

Они разводились с мамой – безобразно, некрасиво, с криками и истериками мамы, несмотря на то, что она собиралась замуж. Это было неважно. Он кричал на нее и грозился убить. Но он никогда не поднял руку на женщину, никогда в жизни. Он прошел всю войну, он дошел до Вены, не до Берлина, но это ведь не так и важно. Сколько он видел? Сколько он пережил? И тут мама, нежный цветочек, блокадница, как она сейчас себя называет. Она никогда ничего не решала. Когда-то врач ей сказал, что у нее слабые нервы и ей вредно думать. И с тех пор она не думает ни о чем, нежная и невинная. Когда она жила с папой, все за нее решала бабушка. И ведь никогда ни слова мама не говорит о том, что она любила отца. Да, она рассказывает о своих влюбленностях, но детских, где-то там, в Мучкапе, в эвакуации. Кого она любила, когда они вернулись в Ленинград? Любил ли отец мать, или женился на ней, плененный красотой юного и нежного создания? Зачем это было? Но ведь они жили вместе, и спали, и трахались, и растили детей – но в ее голове не осталось ни одного хорошего слова о моем отце. Только эти бабы, княгиня Марья Алексевна да его бесконечные командировки.

Он приезжал в Куйбышев, когда мне делали операцию на глаза. Он пришел меня навестить и познакомился с моим лечащим врачом. – Федор Иннокентьевич, – представился врач, когда папа пожимал ему руку. – Иннокентий Федорович, – представился мой папа, и они уставились друг на друга, потрясенные таким странным совпадением имен и отчеств. Вот тогда мой папа смотрел на меня тем взглядом, который мучает мою совесть по сю пору. Он смотрел с тревогой, и я знала, что он меня любит. Я была его любимая дочка. Понятно, что это была командировка, и он пришел ко мне в больницу, и мялся, и не знал, что сказать и что делать, он ведь видел все это миллион раз на войне, но здесь, в тихой и чистой больнице провинциального города, его дочь, которая может ослепнуть после операции или ослепнуть без операции, дочь-профессор, потому что я всегда и везде читала, может вдруг стать инвалидом, и что ему делать тогда? Наверное, он так не думал. Это я придумываю себе сейчас, после этого сна, в котором я бегу, бегу и хочу сказать ему о своей любви, и попросить прощения, и не успеваю. Никогда не успеваю.

Ольга Степанова online

Ольга: Ну что? Как сходила на свидание?

Люба: Ты знаешь, прекрасно. Просто прекрасно. Встретились, пообедали. Ему потом надо было на работу бежать. Подарил мне розы.

Ольга: О, шикарный мушкетер, я смотрю!

Люба: Ну да, шикарный. Я выяснила – он работает менеджером в магазине сантехники)))) ванны, унитазы и прочие душевые кабины. Представляешь? Правда, кажется, он не просто менеджер, а из главных менеджеров, но все равно смешно.

А розы я отдала продавщице в каком-то магазине. Выкинуть не могу и прийти домой с цветами не могу. Я как-то один раз так пришла – разборок было на неделю. Вова меня все спрашивал, не завела ли я себе любовника. А я просто с одноклассником встретила кофе выпить. Ну что в самом деле? Можно подумать, кофе попить нельзя.

Впрочем, продавщица, в отличие от меня, была вполне счастлива.

Ольга: Вова ревнует, что ли?

Люба: Да ты себе не представляешь. Этот на тебя посмотрел, тот на тебя посмотрел. Как дикий.

Ольга: Ну, это не так и плохо, наверное. Ревнует – значит, любит.

Люба: Да пусть любит, сколько ему влезет. Только сцены зачем устраивать, я не понимаю.

Иногда я даже втайне думаю, что завел бы он себе любовницу. Может, меня бы меньше доставать стал. Но любовница

ему не нужна. Помнишь, как в старом анекдоте? "Девочки, я не ёбарь, я бухарик". Так и живем.

Ольга: Ну хоть в койке до тебя не докапывается, и то хорошо.

Люба: Ну почему же не докапывается. Бывает и такое. Но, к счастью, все реже и реже. Потому что докапываться ведь начинает, как выпьет. А когда выпьет, я его видеть не могу. Такой порочный круг.

Извини, я все тебя грузу и все тебе жалуюсь. Но надо ж как-то...

Ольга: Да ничего-ничего)))) я привыкла))))

Люба: Ну вот))) ни слова больше не скажу!

Ольга: Да ладно, я пошутила. Чего еще хорошего?

Люба: Да слушай, ничего. Никита прекрасен, конечно. Я на свидание принарядилась, почувствовала себя, знаешь, красавицей. Вот оденешься нормально – и кажется, другой человек. Все эти юбочки, платица и прочее волшебство. Приходишь домой – и из принцессы превращаешься в жабу. Я по дороге еще в магазин зашла – булки, хлеба, Сашуне творожок, молоко, чтобы кашу утром сварить, не может она без каши, дед приучил. Чтоб как в армии – утром должна быть каша! Булочек ей каких-то накупила – мне же завтра на работу, у нас очередное мероприятие в библиотеке, концерт, читатели сумасшедшие, вернусь поздно... Но это я отвлеклась – иду из магазина такая красавица с двумя сумками огромными. Как две разных жизни. Тут красавица, а тут

– ломовая лошадь. Посуду помой, ужин приготовь, и где то свидание? и было ли оно вообще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.